

Москва
Театр драмы и комедии

Прочитывая заново

**В Московском театре драмы и комедии
на Таганке заканчиваются
репетиции пьесы М. Горького «На дне».**

— Мысль о том, чтобы поставить горьковскую пьесу «На дне», — рассказал нашему корреспонденту Н. Каминской главный режиссер Театра на Таганке А. ЭФРОС, — подали мне впервые еще актеры Театра на Малой Бронной. Я тогда не ухватился за нее, потому что не приходило в голову свежее, живое решение известной пьесы. «На дне» — одно из тех драматургических произведений, которые прочно укоренились в нашем сознании как нечто сценически неизбежное.

Надо было искать в себе живой, сегодняшний отклик на пьесу. Приходилось, если так можно выразиться, тревожить привычные образы для того, чтобы создать их заново. Если хочешь сделать по классической пьесе живой спектакль, приходится иногда отходить от устоявшихся представлений о ней. Совершенно естественно, что при этом вокруг новой работы могут возникать споры. Почти каждая классическая пьеса и при рождении своем, и при первой постановке вызвала горячие, часто противоположные мнения. Споры, вероятно, не избежать и теперь.

Наверное, в идеале режиссерская формула постановки классики могла бы звучать так: «дерзость плюс мудрость». Увы, на практике это «единство противоположностей» трудно соблюсти.

— Как же все-таки пришло решение ставить пьесу «На дне»? Ведь оно совпало с началом нашей работы с новыми для нас актерами?

— Первая моя встреча с труппой этого театра состоялась несколько лет назад, когда я ставила здесь чеховский «Вишневый сад». А теперь при более близком знакомстве, когда я имел возможность пристальнее всмотреться в здешних актеров с их острым интересом к жизненной правде, горьковская пьеса в моем представлении вдруг ожи-

ла. Эти актеры не будут «изображать» Сатина, Барона, Актера, Квашню, а могут сценически стать ими. Вообразился спектакль не «актерский» в плохом смысле этого слова, а живой, жизненный, но с достаточно сложной стилистикой.

— Действительно, то, что удалось увидеть во время репетиций, напоминает сложное музыкальное произведение, где голоса «инструментов» то переплетаются, то звучат отдельно...

— Меньше всего хотелось, чтобы обитатели ночлежки лишь вели разговоры. Получилась бы искаженная, дурная копия прежних постановок, застывшая от времени декорация, оставшаяся от живого, колочущего и ранящего мхатовского спектакля.

Горьковское «дно» — это не спячка, не сонное царство, не болтовня. Это нечто опасное, скрыто бурлящее, как вулкан перед извержением. Здесь бродят и ищут выхода неупотребленные силы.

Свои прежние спектакли по классическим пьесам я ставил преимущественно с одними и теми же людьми. Новые актеры теперь подсказывали мне новые решения. С новыми актерами часто легче идти в поиск, потому что люди как бы взаимно освобождаются от прежних наслоений и штампов. Мы узнавали и открывали друг друга в новой работе.

В спектакле «На дне» заняты почти все ведущие актеры театра. Луку играют А. Трофимов и Ф. Антипов. Оба делают это, на мой взгляд, интересно, так что я даже посчитал возможным оставить за каждым право собственной версии этого героя. На этот раз мне, пожалуй, впервые пришлось работать с двумя составами актеров: Настю играют перешедшая из Театра на Малой Бронной О. Яковлева и А. Семотина, Наташу — Н. Сайко и Н. Красильникова, Пенлу — В. Золотухин и А. Казаков. Ба-

рова — В. Смехов, Б. Романов и С. Садаальский, Актера — В. Соколов и С. Арцыбашев, Сатина — И. Бортник и молодой актер А. Маслов, Василису — З. Славина и Т. Сидоренко, Аяну — Т. Жукова и И. Кузнецова, Квашню — М. Полицеймако и И. Ульянова... Работа с несколькими составами оказалась для меня неожиданно интересной. Она звала актеров на творческое соревнование, будоражила фантазию, давала возможность увидеть спектакль и со стороны.

— На этом спектакле и вы как режиссер, и труппа проходите как бы период взаимной адаптации...

— Это, вероятно, долгий, сложный процесс, он требует не только творческих усилий, но в неменьшей степени доверия друг к другу. Необходимо найти некий художественный слух из того, что знают и умеют актеры, и того, чем располагаю я.

Старая сцена сейчас ремонтируется. Ее камерные размеры требовали от актеров несколько иной эстетики, иного способа контакта со зрителем. В связи с ремонтом многие спектакли были переведены на большую сцену. Надо осваивать новое пространство, искать новую манеру общения с залом.

В дальнейшем мне бы хотелось не только опираться на сложившуюся актерскую манеру, но и создавать вместе с труппой широкое творческое поле. Было бы хорошо поставить «Мизантропа» Мольера, шекспировскую «Бурю», одну из пьес Т. Уильямса...

Интересную пьесу «Ленинград» написал драматург А. Червинский...

Параллельно в театре репетируют другие режиссеры. Пьесу В. Славкина «Серсо» ставит А. Васильев. Б. Гагалин вместе с белорусской писательницей С. Алексиевич работают над инсценировкой книги «У войны не женское лицо».

Каждый день приходится что-то заново осваивать, искать точки пересечения, формировать художественное единство...